

*Ся Новбам
Тодам!*

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

№ 2 (660)

Парижъ, 1 января 1938 года

Цѣна отдѣльнаго №
во Франціи
и колоніяхъ
4 франка

15-й годъ изданія.

Photo Metro-Goldwin-Mayer

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

Отъ Редакціи „Иллюстрированной Россіи“

Редакція сердечно поздравляетъ читателей и сотрудниковъ «Иллюстрированной Россіи» съ Новымъ Годомъ, шлетъ лучшія пожеланія и вѣрить, что этотъ годъ нашего пребыванія на чужбинѣ будетъ послѣднимъ.

В. Н. ГИППІУСЪ

Поэтъ и Тарпейская скала

О Вяч. Ив. ИВАНОВѢ

Очень пріятно иногда, забывъ газеты и наше «детективное» время, поговорить о чемъ нибудь мирно - спокойномъ и красивомъ. Или рассказать о спокойно - счастливой жизни «мудреца на Тарпейской скалѣ», старого нашего знакома, извѣстнаго поэта, ученаго и философа, Вячеслава Ив. Иванова.

Этимъ лѣтомъ и мы жили въ спокойномъ мирѣ и въ красотѣ: горное мѣстечко, городокъ на скалѣ, окруженный густыми каштановыми лѣсами, надъ озеромъ и римской Кампаньей, имѣлъ видъ райскій. Мы его называли «почти-рай» (для точности, потому что не подлинный-же, все-таки, рай).

Но вотъ октябрь, и мы опять въ Римѣ. Ненадолго, увы: черезъ нѣсколько дней — Парижъ, низкое небо, дождь...

Сегодня послѣднее воскресенье. Нойдемъ въ гости къ Вяч. Иванову.

Въ Римѣ, по сравненію съ Парижемъ, все «рукой подать». Далеко ли отъ насъ, отъ виллы Боргезе, до Тарпейской скалы? Мы идемъ пѣшкомъ.

Вотъ и волшебная лѣстница Капитолія. Волчицы не видно. Она спитъ. Да ее, кажется, изъ лѣваго густаго садика перевели въ правый. Тамъ тоже пещера.

Маркъ Аврелій на предвечернемъ небѣ. Какое величіе въ его спокойствіи! Въ одномъ этомъ жестѣ руки — Рах, миръ...

Обогнувъ М. Аврелія, мы идемъ по узкой улочкѣ, межъ старыхъ зданій. Мы уже на знаменитой скалѣ, сейчасъ, направо, дверь В. Ив-ва, но на маленькой открытой площадкѣ не можемъ не остановиться:

подъ нами Форумъ, далѣе — Колизей, и все это въ оранжевомъ пыланіи заката. Голосъ вечерняго колокола — Ave Maria...

Съ крутой улочки въ домъ, гдѣ живетъ В. И., нѣтъ ни одной ступени. Но старые дома на Тарпейской скалѣ — съ неожиданными. Если, черезъ переднюю и крошечную столовую, пройти въ стеклянную дверь на балкончикъ, тамъ — провалъ; и длиннѣйшая, по наружной стѣнѣ, лѣстница: шаткая, колышчатая, со сквозными ступенями, похожая на пожарную. Она ведетъ въ темный густой садикъ. Но пусть объ этомъ садикѣ скажетъ самъ его хозяинъ - поэтъ, въ стихотвореніи только что написанномъ и посвященномъ постоянной своей сотрудницѣ, помощницѣ въ научныхъ работахъ. (Она же, эта изумительная женщина, и «геній семьи»: съ В. И. живетъ его милая, тихоликкая дочь, музыкантша, профессоръ римской консерваторіи, и сынъ, студентъ). Вотъ эти стихи:

Журчливый садикъ, и за нимъ
Твои нагія мощи, Римъ!

Въ немъ лавръ, смоковница и розы
И въ гроздіяхъ тяжелыхъ лозы.

Надъ нимъ, межъ книгъ, единый сонъ
Двухъ, слившихся за рѣкой временъ,
Двѣ памяти молитвъ созвучныхъ,
Двухъ спутниковъ, двухъ неразлучныхъ.

Сквозъ сонъ эфирный лицезримъ
Твои нагія мощи, Римъ.

А струйки, въ заросляхъ играя,
Журчатъ свой сонъ земного рая.

Много въ Парижѣ людей, хорошо помнящихъ знаменитую петербургскую «башню» на Таврической и ея хозяина. Теперь все измѣнилось. Въмѣсто «башни» — Тарпейская скала и «нагія мощи» Рима. Въмѣсто шумной толпы новѣйшихъ поэтовъ — за круглымъ чайнымъ столомъ сидитъ какой-нибудь молодой семинаристъ въ черной ряскѣ, или итальянскій ученый. Иные устаиваются «а партѣ» въ узкомъ, заставленномъ книгами, кабинетѣ хозяина... Все измѣнилось вокругъ, — а онъ самъ? Такъ ли ужъ измѣнился? Правда, онъ теперь католикъ; но эта перемена въ немъ мало чувствуется. Правда, золотыхъ кудрей уже нѣтъ; но, сѣдовласый, онъ сталъ больше походить на греческаго мудреца (или на стараго нѣмецкаго философа). У него тѣ-же мягкія, чрезвычайно мягкія, любезныя манеры, такіе - же внимательные, живые глаза. И — обстоятельный откликъ на все.

Мы какъ то отвыкли отъ встрѣчъ съ людьми настоящей старой культуры. А это большое отдохновеніе. Вяч. Ивановъ, конечно, и «кладезъ учености», но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что заранѣе знаешь: всякій вопросъ, въ любой области, онъ пойметъ, съ нимъ можно говорить рѣшительно обо всемъ, что кажется значительнымъ. Какъ самъ онъ на данный вопросъ отвѣчаетъ — уже не важно: мы часто не

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ

Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ

Контора „Иллюстр. Россіи“ покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала, беззамедлительно внести подписную плату на 1938 г.

соглашаемся, споримъ, но спора не длить; взгляды В. И. самъ по себѣ всегда интересны, любопытны, споры — же самая без-полезная вещь на свѣтѣ.

Но особенно воскресала «башня», когда рѣчь заходила о поэзіи, о стихахъ. Мы привезли въ Тарпейское уединеніе нѣсколько томиковъ современныхъ парижскихъ поэтовъ. Утонченнѣйшій ихъ разборъ, давшій поводъ къ длиннымъ разговорамъ о стихахъ, о стихосложеніи вообще, — какъ это было похоже на В. И. тридцать лѣтъ тому назадъ! Скажемъ правду: въ этомъ человѣкѣ высокой и все-сторонней культуры, въ этомъ ученомъ и философѣ, до сихъ поръ живетъ «эстетъ» начала вѣка. И онъ особенно любитъ въ себѣ «эстета».

Завидно ли мнѣ? Можетъ быть. Что такое новѣйшее наше разочарованіе въ эстетизмѣ, въ литературѣ, въ силѣ слова? Вѣдь это, пожалуй, только дань сумасшедшимъ «темпамъ» нашего времени, погонѣ за всяческой «актуальностью». Искусство требуетъ мира и тишины, намъ некогда слушать голосъ музъ, мы слушаемъ радио...

Такъ или иначе, живущіе на Тарпейской скалѣ счастливы многіе изъ насъ. У нихъ и садикъ, «земной рай», и музыка, и книги, и научный трудъ, и стихи, и Аве Марія изъ за римскаго форума.

Порадуемся за нихъ.

Римъ.

З. Н. Гиппиусъ.

З. Н. Гиппиусъ и Д. С. Мережковскій въ гостяхъ у В. И. Иванова.

LOLO

То, что будетъ и чего не будетъ

Изъ копилки предсказаній

Гадалокъ суетная рать
Уже успѣла намъ навратъ
О томъ, что будетъ въ годъ грядущій:
Однимъ сулятъ онѣ печаль,
(Отправить къ праотцамъ не жаль),
Другимъ — успѣхъ въ житейской гущѣ,
А третьимъ — рабство: потерпи,
Попрыгай, другъ мой, на цѣпи...
Ну, словомъ: «мертвый въ гробѣ спи»,
А «жизнью пользуйся, живущій!».

И я завѣсу подыму,
Но я не враль и не «художникъ», —
Уже дымится мой треножникъ, —
Бѣгъ жизни вижу я въ дыму.

Я вижу бури, изверженья,
Сверканье молній въ душейной мглѣ,
Провала въ треснувшей землѣ...
Я слышу «гимнъ разоруженья»
И ... трезвый шопотъ: — Эй, живѣй,
Вооружайся до бровей!

Я вижу яркій вихрь событий,
Ошеломляющихъ открытій:
Въ борьбѣ съ природой рядъ побѣдъ
Одержитъ мудрая наука:
То, отъ чего скончался дѣдъ,
Пройдетъ немедленно у внука...
Исчезнутъ старость и склерозъ.
Погибнуть гриппъ, туберкулезъ,
Душить не будетъ гражданина
Недуговъ дьявольская сѣть...
И только... насморкъ одолѣть
Едва-ли сможетъ медицина!

Нѣтъ, не одинъ Пиккаръ, — и мы,
Заражены его примѣромъ,
Начнемъ летать по стратосферамъ.
Укажутъ смѣлые умы,
Какъ состязаться съ ураганомъ
Съ полярнымъ холодомъ, съ туманомъ,
И будетъ дерзкій нашъ полетъ
Молніеносенъ, идеаленъ...
Но... полетитъ ли къ чорту Сталинъ,
И кто къ чертямъ его пошлетъ?

Скрываться будутъ «кагуляры»,
Плодиться будутъ юбиляры...
В. Бурцевъ будетъ тамъ и тутъ
Ловить предателей — іудъ...
Пѣвица въ сенскомъ трибуналѣ,
Личину святости надѣвъ,
Споетъ послѣдній свой напѣвъ...
Забудетъ міръ о «генералѣ»,
Какъ забываетъ обо всемъ, —
И мы ударъ судьбы снесемъ...

Совѣтскій чай (ромъ, сливки, пѣнки)
Хлебнуть полпреды на борту —
И въ первомъ сталинскомъ порту
Они очутятся въ застѣнкѣ.
(Кто знаетъ Сталина мечту,
Пить чай не станеть на борту).

Я вижу: новые таланты
Заблещутъ въ мірѣ — ихъ не счесть
Земля получитъ съ Марса вѣсть...
Съ лица земли исчезнетъ месть...
И только братья - эмигранты
И впредь другъ друга будутъ вѣсть...

LoLo.